

Чжун Мань смотрел на мужчину, которого не видел больше десяти лет, но с которым прожил бок о бок последний месяц, и в его сердце затрепетало странное чувство.

Тан Кайци сильно изменился по сравнению с детством. Его лицо было незнакомым, но Чжун Мань узнал его с первого взгляда.

Неизвестно почему, но Кайци выглядел слегка растерянным; он грубо зачесал пятерней мокрые волосы назад, открывая лицо с резкими, точеными чертами.

Капли дождя скатывались по линии его челюсти, пробегали по выступающему кадыку и исчезали за вырезом майки. Под густыми черными бровями большие глаза сейчас были широко распахнуты, а на ресницах всё еще висели мелкие бусинки воды.

Когда капля сорвалась с кончика его брови, он невольно моргнул в свете ламп. Это бессознательное движение вдруг сделало его образ живым и милым — он стал похож на большого пса, ошарашенного ливнем.

Его белая майка промокла насквозь и облепила тело, подчеркивая рельефные мускулы; ткань на груди стала почти прозрачной. С краев широких шаровар всё еще капало, и у его ног уже натекла небольшая лужица.

Чжун Мань приоткрыл рот, но тут же закрыл его.

В конце концов, Тан Кайци первым нарушил молчание:

— Как ты узнал, что это я?

— Угадай, — с улыбкой ответил Чжун Мань.

— Не угадаю.

— Не угадаешь — так мучайся в неведении.

Когда они вышли из больницы, дождь заметно утих, но всё еще накрапывал.

Дождевик был один, и Тан Кайци настоял, чтобы его надел Чжун Мань. Он сказал, что и так промок до нитки, так что хуже уже не будет.

Сидя на багажнике велосипеда, Чжун Мань спросил:

— Не боишься простудиться к возвращению?

Кайци, налегая на педали, самодовольно отозвался:

— Здоровье у меня крепкое. Я уже лет десять не знаю, что такое простуда.

Чжун Мань усмехнулся:

— Ну, раз так, значит, ты и впрямь силен как бык.

— О, ты говоришь точь-в-точь как мой отец! Он с малых лет называл меня теленком! — Кайци на мгновение замолчал и добавил:

— И сейчас ты повел себя как он. В прошлом году во время сенокоса на току было полно народу, все в соломенных шляпах и лица обмотаны платками — не разглядеть. А батя меня с одного взгляда признал.

То, что Чжун Мань, несмотря на десятилетнюю разлуку, тоже узнал его мгновенно, очень радовало Кайци, хотя он и сам не понимал почему.

Чжун Мань, не зная, то ли смеяться, то ли плакать, спросил:

— И почему ты вечно сравниваешь меня со своим отцом?

Тан Кайци, услышав это, решил, что Чжун Мань обиделся на сравнение со стариком — мол, это намек на возраст.

Он на редкость быстро осознал, что ляпнул не то, и поспешил исправиться:

— Я не к тому, что ты старый. Ты такой молодой, красивый, кожа белая — никто и не скажет, что ты на два года старше меня. Это я выгляжу заматерелым. Если мы вместе выйдем, люди подумают, что я сына за собой веду.

Чжун Мань шлепнул его по спине:

— Это кто тут твой сын?

Кайци затараторил:

— Да я не в том смысле! Вот видишь, опять не то сказал. Я хотел сказать, что хоть тебе и лет немало, а выглядишь ты как мальчишка!

Если бы Чжун Мань не знал, какой его друг косноязычный, он бы от одного только «лет немало» в ярости спрыгнул с велосипеда.

— Ладно, замолчи уже.

Чем больше тот говорил, тем хуже выходило — такой же неуклюжий в речах, как и в детстве.

Тан Кайци наконец притих.

Паника улеглась, и он уже не крутил педали с такой бешеной силой, что они едва не отлетали. Теперь он одной рукой держал руль, а другой светил фонариком. Везя прозревшего Чжун Маня, он чувствовал невыразимую легкость на душе; он неспешно ехал под мелким дождем и даже начал что-то напевать под нос.

Чжун Маню тоже было радостно. В свете фонаря он рассматривал дорогу впереди: даже обычное узкое шоссе казалось ему редким, прекрасным пейзажем, на который невозможно наглядеться.

Домой они вернулись уже во втором часу ночи.

Когда Тан Кайци перетаскивал велосипед через порог, Чжун Мань взял у него фонарик. Ему хотелось как следует рассмотреть этот двор.

Хотя он жил здесь уже довольно долго, глазами он видел всё впервые.

Луч света прорезал пелену дождя. Сначала он выхватил привязанного в загоне большого рыжего быка Дахуана — того самого старого друга, на котором Кайци вез его в деревню. Шкура быка лоснилась; было видно, что Кайци хорошо о нем заботится.

Луч переместился: из-за поленницы выскочил пес, виляя мокрым хвостом; кошка Мими свернулась меховым комочком в своей корзинке на подоконнике, поблескивая зелеными глазами.

Чжун Мань поднял взгляд: листья платана колыхались под дождем. Та тень и прохлада, что жили лишь в его воображении, вдруг обрели четкие очертания.

Вырвавшись из тьмы и вновь обретя свет, он теперь бесконечно дорожил своим зрением.

Оказалось, что обрести потерянное — это лучшее чувство на свете.

Пока он предавался раздумьям, за спиной внезапно раздалось:

— Ой-ё!

А следом — грохот падения человека вместе с велосипедом.

Чжун Мань поспешно посветил фонариком и увидел, что Тан Кайци вместе с железным конем завалился прямо в кормушку для скота.

Он бросился на помощь:

— Как ты умудрился упасть в собственном доме?

Кайци выбрался и проворчал:

— Так ты же мне не светишь, я ни зги не вижу.

Он ни за что бы не признался, что засмотрелся на Чжун Маня и отвлекся.

Пристроив велосипед, Кайци, опасаясь, что Чжун Мань простудится, приготовил ему теплую воду для мытья и заварил чай с имбирем.

Помывшись, Чжун Мань сел на кан. Сжимая в руках чашку с горячим чаем, он оглядывал комнату. Всё было почти так же, как в детстве. Тан Кайци хорошо сохранил его дом; на стене даже остались отметки роста, которые он рисовал мальчишкой.

Тан Кайци сменил воду в тазу. На улице шел дождь, поэтому он решил мыться прямо в комнате. Скинул майку и уже собрался стягивать шаровары.

Чжун Мань в ужасе замер, едва не расплескав чай:

— Ты что творишь?!

Кайци, уже взявшийся за резинку штанов, замер:

— Ой, я и забыл, что ты теперь видишь.

Чжун Мань: «...»

— Да ничего страшного, — добавил Кайци. — Оба мужики, я не стесняюсь.

И он снова потянул штаны вниз.

— Нельзя! — вовремя выкрикнул Чжун Мань. — Либо иди мыться в сени, либо я туда уйду подождать.

— Руками-то хватал, а смотреть боишься... — пробурчал Кайци под нос и, подхватив таз, вышел.

После всех треволнений они наконец улеглись.

Несмотря на глубокую ночь, сон не шел ни к одному, ни к другому.

Чжун Мань повернул голову и, увидев, что Кайци тоже лежит с открытыми глазами, предложил:

— Поболтаем?

— Ладно.

Чжун Мань не сразу нашелся с темой и спросил:

— О чем ты сейчас думал, глядя в потолок?

— Да вот думал... — ответил Кайци. — Те Шуаныцзы хотел у тебя «вторым» в эскорте быть, а я, получается, сразу «третий»: и кормлю тебя, и развлекаю, и сплю с тобой.

Чжун Мань: «...»

— Ты что, совсем дурак? Кто же так про себя говорит?

— А чего такого? — отозвался Тан Кайци. — По-моему, быть твоим «третьим» — очень даже неплохо!

<http://bllate.org/book/18973/1864250>